

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. IX

СТРАНЫ И НАРОДЫ АФРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1969

И. В. Рябикова

ЗАХВАТ И КОЛОНИАЛЬНОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ КАНАРСКИХ ОСТРОВОВ ПО ДАННЫМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХРОНИК XV—XVI ВЕКОВ

Канарские острова расположены в Атлантическом океане у северо-западных берегов Африки. Острова эти, лежащие на морских путях из Европы к Центральной и Южной Америке (бассейн Карибского моря) и к Экваториальной и Южной Африке, издавна имели важное стратегическое значение. Архипелаг состоит из семи крупных и ряда мелких островов и скал, представляющих собою огромную дугу длиной более 550 км. Восточную часть дуги составляют острова Лансароте и Фуэрте-вентура, южную — крупнейшие острова Гран-Канария и Тенерифе, западную — Пальма и Гомера, а к юго-западу от Гомеры лежит о-в Иерро. Кроме перечисленных к архипелагу относится также шесть мелких островков и утесов: Грасьоса, Алагранса, Монтанья-Клара, Лобос, Рокке-дель-Эсте, Рокке-дель-Оэсте.

Все острова Канарского архипелага очень красивы. Климат приятный, теплый. Земли необыкновенно плодородны, и на некоторых островах урожай можно собирать два раза в год. Вероятно, это да к тому же богатая фауна и разнообразная флора явились причиной плотного заселения островов.

Разделение островов на западную и восточную группы основывается прежде всего на своеобразии растительного мира.

Лансароте и Фуэртевентура отличаются от своих западных соседей отсутствием лесов. Здесь много фруктовых деревьев. Растет и так называемое драконовое дерево. На плодородной земле выращивают овес, из которого делают хлеб. На этих островах есть очень ценное растение орсель (*Roccella tinctoria*), используемое для изготовления краски.

Острова западной части архипелага покрыты лесами из сосны, ели, лавра, драконовых деревьев. В большом количестве произрастают фруктовые деревья. В гористой части о-ва Иерро растут деревья с вкусным и чистым соком, употребляемым вместо питьевой воды. Рек с питьевой водой немного.

Тенерифе — самый плодородный из всех семи островов архипелага. «И нет фактически места в мире, где был бы лучше воздух, нет страны, которая была бы прекрасней этой равнины, очень плодородной благодаря большому количеству воды, текущей маленькими ручейками из расщелин скал; они сливаются в одну реку и бегут по равнине в море» [11, стр. 29]. Природа наделила остров всем, что может привлечь глаз человека. В различных зонах острова растительность очень разнообразна. На холмах и в долинах по берегам растут фиговые пальмы, бананы, драконово дерево, множество цветов и папоротников. Повыше, на склонах

гор, раскинулись вечнозеленые леса с тенистыми ущельями. Здесь множество видов папоротников, цветут лавры и кустообразная цинерария. Далее начинаются сосновые леса, затем вплоть до вечных снегов тянутся прекрасные пастбища.

Иерро несколько отдален от других островов. Он живописен, покрыт лесами из сосны и лавра. Почва хороша для земледелия.

Фауна Канарских островов тоже богата и разнообразна. К моменту их завоевания в большом количестве водились млекопитающие: козы, овцы, свиньи, небольшие собаки, которых туземцы держали как домашних животных и использовали для еды. Здесь множество красивых птиц: попугаев, ласточек, перепелок, ястребов и др. На о-ве Иерро — огромные ящерицы, а на Лансароте было много тюленей.

В эпоху античности и раннего средневековья Канарские острова называли «Счастливыми» или «Канарией».

Одни полагают, что первое название было дано им благодаря чудесному климату; другие склонны верить, что какие-то древние мореплаватели были спасены от гибели тем, что во время шторма им удалось пристать к этим островам.

Что касается «Канарии» (*canis* — лат. «собака»), то почти все исследователи единодушны и считают, что это название было дано благодаря огромным собакам, некогда жившим на островах. Так, мавританский царь Юба II, посетивший острова в конце I в. до н. э., привез оттуда в дар римскому императору Августу таких собак. Есть и такая версия, будто эти острова получили свое название «Канария» от растения *canes* — лат. «тростник». Из этого растения выдавливается мутный сок, являющийся сильным ядом, которым были отравлены многие «завоеватели» [11, стр. 3—4].

По данным различных источников, первые сведения о Канарах были получены во II—I вв. до н. э. [10, т. I, стр. 62, 66]. Вторичное открытие этих земель произошло в средние века, в первой половине XIV в. [10, т. III, стр. 241]. Но только к концу XIV в. были сделаны попытки подробнее познакомиться с архипелагом. Главную роль в этом сыграли французские рыцари, состоявшие на службе у короля Кастилии. Так, в начале XV в. Жан де Бетанкур и Гадифер де Ла Саль завоевали три острова Канарского архипелага. Попыткам Кастилии укрепиться на островах долго сопротивлялась Португалия, которая к середине XV в. утвердила свое господство на других островных группах в этой области Атлантики (Азорские острова, о-в Мадейра). По договору 1479 г. португальский король Афонсу V признал наконец права Испании на этот архипелаг.

Кастильцам были предоставлены права дальнейшего покорения остальных островов. Коренных жителей островов — гуанчей — лишали земель, чтобы отдать их конкистадорам. Пропаганда веры провозглашалась одним из главных мотивов покорения, а католическая церковь стала очень важным фактором, способствовавшим быстрой испанизации островов. Испанские епископы, духовные ордена и духовные миссии принимали активное участие в управлении и эксплуатации местного населения, причем львиная доля церковных доходов поступала в королевскую казну.

В результате жесточайшего угнетения число аборигенов неуклонно уменьшалось. Большая часть погибла от мечей испанцев, тысячи продавались на рынках Африки и Испании [29, стр. 55]. Многие были позднее истреблены инквизицией. «Так погиб один из первобытных народов, своеобразный язык и история которого могли бы многое разъяснить нам из истории финикийян и карфагенян» [9, стр. 193].

Таким образом, завоевание Канарских островов явилось первым актом заморской экспансии, предпринятым Кастилией, и одновременно

начальным этапом европейских колониальных захватов в Африке, первым шагом к завершённому много столетий спустя разделу этой части света европейскими поработителями. Вместе с тем Канарским островам суждено было стать как бы плацдармом для завоевания Америки и своего рода «опытным полем», где колонизаторы впервые применили кровавые, бесчеловечные методы порабощения и истребления коренного населения.

Поэтому изучение истории захвата Канарского архипелага представляет немалую важность для понимания истоков европейского колониализма и актуально в наши дни, когда бьёт последний час колониального господства империализма в Африке.

Между тем в советской историографии этот вопрос до настоящего времени специально рассмотрению не подвергался, да и, вообще, на русском языке, по существу, нет работ, посвящённых истории Канар. Известное внимание интересующему нас событию уделяется лишь в некоторых обобщающих трудах — оригинальных и переводных — по истории географических открытий [9, стр. 192—193; 8, стр. 33—42; 7, стр. 38, 57—58, 95—98, 103]. Сведения о Канарских островах и их коренном населении спорадически встречаются также в книгах, посвящённых проблеме Атлантиды (в том числе в ряде новейших работ по этому вопросу [3—5]); обычно сведения эти, однако, настолько незначительны, что особой ценности не имеют.

В зарубежной исторической и историко-этнографической литературе немало работ о Канарах [28]. В большинстве из тех, которые оказались доступны нам, острова рассматриваются как составная часть испанской колониальной империи, и только в отдельных главах содержатся сведения по истории архипелага. Таковы, например, работы Кампфа, Мак-Грегора, Шретера и др. [23; 25; 27].

Из работ, посвящённых завоеванию островов, описанию коренных жителей, некоторый интерес представляют работы Бори де Сен-Венсана и английского историка Глэса [15; 20]. Глэс побывал на островах в середине XVIII в. и дал их описание. Его работа представляет собой перевод сочинения испанца Абрео де Галиндо, написанного в 1632 г. Галиндо в свою очередь многое заимствовал из хроники Эспиносы, посетившего Канары в конце XVI в.

Почти все работы, использованные нами, носят описательный характер. Авторы или просто сообщают сведения об островах, известные им из других источников, или ограничиваются описанием своих путешествий, страны и реже — народа, не делая при этом никаких выводов и обобщений.

Предпринимая попытку воссоздать историю захвата и колониально-го порабощения Канарского архипелага, необходимо обратиться к непосредственному анализу источников. В настоящей статье рассматриваются в основном два нарративных источника: хроника Пьера Бонтье и Жана Ле Веррье и хроника Эспиносы. Пьер Бонтье и Жан ле Веррье принимали участие в экспедиции Жана де Бетанкура. Они оставили подробное описание этого предприятия с момента его начала и до смерти Бетанкура. Об авторах работы известно только то, что они были францисканскими монахами. После отъезда Бетанкура во Францию в 1406 г. Бонтье остался на островах священником в церкви Рубикон, а Ле Веррье возвратился во Францию, где и дописал последние главы хроники. Рукопись хранилась в доме Бетанкуров. В 1625 г. она была подготовлена к печати потомком Жана де Бетанкура Гильеном де Бетанкуром и вышла

в свет в 1630 г. [14]. В 1872 г. книга была переведена на английский язык и издана в Лондоне в серии Хаклэйтского общества [13]. Книга Бонтье и Ле Веррье — единственный источник, дающий наиболее полное представление о завоевании островов, в то время как другие хроники, написанные через 100 лет и более после завоевания, содержат в себе множество ошибок и неточностей.

Книга Бонтье и Ле Веррье состоит из 97 глав. Повествование ведется в хронологической последовательности. Основное внимание уделяется истории завоевания островов. Монахи очень подробно пишут о том, сколько канарцев было захвачено в плен, сколько убито. При этом канарцев они называют не иначе, как врагами. Например, гл. XXVIII называется «Как они (завоеватели. — *И. Р.*) встретили врагов», а следующая глава — «Как те, которых они встретили, напали на кастильцев». И нигде в книге не говорится о том, что кастильцы напали на кого-либо: зачинщиками всех войн монахи считают канарцев.

Много места монахи отводят бесконечным ссорам среди членов экспедиции. Разногласия начались еще в Ла-Рош-Шале, где возник спор между гасконцами и нормандцами. В Севилье некоторые матросы подстрекали всю команду поднять бунт против Бетанкура, и к моменту отплытия на острова из 80 матросов остались 53 [13, гл. III]. Заговоры продолжались и после прибытия на острова. Вся экспедиция разбилась как бы на два лагеря. Ссоры задержали покорение островов, так как туземцы, воспользовавшись раздорами среди европейцев, разбили несколько отрядов завоевателей и даже разрушили ряд крепостей [13, гл. XXIII]. Описанию островов и их жителей посвящено всего 20 глав; 5 глав хроники занимает инструкция, которую по распоряжению Бетанкура составили хронисты как для уже окрещенных, так и для собирающихся креститься туземцев. Инструкция состоит из обработок библейских легенд о сотворении мира, о новом ковчеге, о разделении мира и языков и т. д. Несколько последних глав, написанных Ле Веррье, посвящены непосредственно Бетанкуру — возвращению в Нормандию, семейным делам и, наконец, его смерти.

В английском издании книги имеется предисловие (написанное, по всей вероятности, редактором английского издания), где как бы резюмируется все, что было прежде известно о Канарских островах.

Автор второй хроники — доминиканский священник Алонсо де Эспиноса жил на о-ве Тенерифе в 1580—1590 гг. Его сочинение было опубликовано в Севилье в 1594 г. [18], затем переиздано в 1848 г. в Санта-Крус в серии «Библиотека острова» и, наконец, в 1907 г. было переведено на английский язык и издано, как и первая хроника, в серии Хаклэйтского общества [17].

О самом Эспиносе известно очень немного. Он был священником в Центральной Америке. Станные известия привели его на о-в Тенерифе. Он узнал, что у гуанчей еще за 100 лет до их завоевания было священное изображение девственницы и ребенка. Появление этого изображения было таинственным, и слава о «чуде» распространилась по всему свету, дойдя и до Эспиносы. Он решил провести исследования и написать историю образа, что и составило основную цель его работы. Эспиноса был поражен обстоятельствами появления образа у язычников задолго до того, как они стали христианами, и это заставило его провести тщательное исследование всего, что касалось местных жителей.

Благодаря Эспиносе мы располагаем наряду со сведениями Бонтье и Ле Веррье другим комплексом сведений о гуанчах, относящихся уже к концу XVI в. Часть своей работы Эспиноса посвятил завоеванию Тенерифе испанцами.

Работа Эспиносы состоит из четырех книг. Первая книга — «Описание Тенерифе и его населения». Она начинается с описания острова и его ранней истории. Затем Эспиноса переходит к истории гуанчей, к их обычаям и т. д. Заканчивается книга перечислением выдающихся людей, принадлежащих к племени гуанчей.

Вторая книга — «Происхождение образа Канделярии» — содержит историю образа мадонны с момента его появления на острове до времен Эспиносы. По ходу повествования автор сообщает кое-какие дополнительные сведения о гуанчах.

Третья книга посвящена завоеванию Тенерифе испанцами. Здесь описывается героическое сопротивление гуанчей, во время которого благородные качества народа проявились во всей своей полноте, и показано, что покорение острова произошло в результате эпидемии чумы, а не благодаря доблести испанцев. Заключительные главы книги рассказывают о заселении острова испанцами. Эспиноса заявляет, что «как по божественным, так и по человеческим правилам эти войны были несправедливыми и нет оснований оправдывать их. Туземцы не причинили зла испанцам, не захватывали их земель. Если же говорить, что испанцы принесли евангелие, то ведь это должно было быть сделано увещаниями, проповедями, а не барабаном и знаменем, убеждением, а не силой» [17, стр. IX—X].

Что касается четвертой книги, то о ее существовании мы знаем лишь из предисловия к английскому изданию. Так как четвертая книга содержит перечень 60 случаев излечения и других «чудес», совершенных образом, то она особого интереса для исследования истории и этнографии гуанчей не представляет и на английский язык переведена не была [17, стр. X].

Не случайно, что завоевание островов начали именно нормандцы. Еще в XIV столетии «нормандцы находились в тесной связи с африканским побережьем; вероятно, они тогда же посещали соседние острова Канарской группы» [23, стр. 8]. Несколько позднее Франсиско Лопес из Севильи был прибит бурей к Канарским островам. Сведения об этом попали в руки людей Бетанкура [23, стр. 8]. Кроме того, в официальных документах упоминается, что Жан де Бетанкур знал уже о Канарских островах благодаря рассказу французского моряка, который там высаживался вместе с испанцем Бесерра [24, стр. 128].

Обычно колонизаторами были частные лица (в большинстве своем дворяне), которые, как правило, сами финансировали и снаряжали свои предприятия [23, стр. 10]. Бетанкур принадлежал к богатой части дворянства и поэтому мог позволить себе организовать такую экспедицию, тем более что покорение Канарских островов сулило очень большую выгоду. Он предложил предпринять завоевание Канар на собственные средства, если ему разрешат управлять ими на правах вассала Кастилии. Адмирал Франции Рубин де Бракамонтс ходатайствовал об этом перед кастильской короной и получил согласие [1, стр. 251].

1 мая 1402 г. в сопровождении рыцаря Гадифера де Ла Салья и моряков из Нормандии, Гаскони, Пуату и Анжу Бетанкур покинул г. Ла-Рош-Шале и, преодолев многочисленные трудности, высадился в июле на Лансароте [13, гл. III]. По прибытии на остров моряки пытались захватить несколько канарцев, но без успеха. Было решено разбиться на группы и рассеяться по стране в поисках туземцев. Вскоре Бетанкур и его спутники заметили нескольких канарцев, спускавшихся с горы. Среди этой группы находился и глава острова. С ним Бетанкур в присутствии Гадифера и других знатных лиц заключил соглашение о мире и дружбе. Вождь приветствовал Бетанкура и его спутников как друзей.

Бетанкур же обещал туземцам свою защиту от всех, кто попытается причинить им зло [13, гл. IV].

Вскоре моряки построили на острове замок Рубикон. Там Бетанкур оставил часть команды во главе с Бертином де Берневалем, а сам вместе с Гадифером и другими моряками переправился на о-в Фуэртевентура, или Эрбания [13, гл. IV]. Пробыв там восемь дней, моряки из-за недостатка продовольствия были вынуждены возвратиться в Рубикон, где приняли решение не покидать страну, пока ее не завоюют. Так как на-личных средств и сил было мало, Бетанкур возвратился в Севилью и принес феодальную присягу королю Кастилии и Леона Энрике III. Король принял присягу и отдал Бетанкуру Канарские острова в лен, пожаловав одновременно $\frac{1}{5}$ доходов с островов, а также право чеканки на Канарах собственной монеты. Кроме того, Бетанкур получил деньги (20 тыс. мараведи) и корабль с 80 воинами и припасами.

Пока Бетанкур находился в Испании, Бертин де Берневаль, остав-ленный в качестве коменданта Рубикона, предпринял попытку захва-тить канарцев. Обманом ему удалось схватить и связать вождей и вер-ховного правителя острова вместе с его свитой — всего 24 человека. Верховному правителю и еще одному канарцу удалось бежать, осталь-ные 22 пленника были проданы Бертином в рабство [13, гл. XIII—XIV].

Подобное поведение пришельцев, конечно, не могло не вызвать не-довольства жителей Лансароте, которые дружелюбно встретили Бетан-кура и его людей и поверили их обещаниям. Вскоре канарцы убили нескольких испанцев. Гадифер, который в отсутствие Бетанкура побывал на о-ве Лобос и затем возвратился в Рубикон, потребовал выдать убийц, грозя истребить всех жителей острова. Один из туземцев острова, некто Ашэ, который хотел занять место правителя, повел переговоры с Га-дифером. Он сообщил Гадиферу, что правитель ненавидит христиан и что убийство было совершено по его приказу. Вскоре Гадифер с 19 спут-никами с помощью Ашэ захватил правителя и на цепи привел его в Ру-бикон. Правитель острова пообещал выдать убийц [13, гл. XX, XXI]. Еще до того как был захвачен правитель острова, Ашэ договорился с Гади-фером, что тот его сделает вождем острова, если Ашэ со своими сторон-никами примут христианство.

Несколько слов о предателе Ашэ. Монахи сообщают, что Ашэ с са-мого начала был готов принять крещение, так как кроме желания стать правителем острова он хотел побывать в стране, о которой много слышал от своих соплеменников, прибывших с экспедицией. Дело в том, что из Франции Бетанкур привез в качестве переводчиков пле-мянника Ашэ и еще двух канарцев, неких Альфонсо и Изабеллу. Каким образом все трое попали во Францию, неизвестно. По-видимому, они бы-ли из тех пленных, которых привезли во Францию предыдущие экспе-диции [13, гл. XII, XXX].

Но Гадифер и не думал выполнять свое обещание или просто забыл о нем. Во всяком случае монахи сообщают о том, что сторонники Ашэ, недовольные пришельцами, напали на них и одного ранили. Гарнизон замка казнил канарцев за нападение на их людей и начал против ту-земцев войну [13, гл. XXXII—XXXIII].

Таким образом, пришельцы, дав жителям Лансароте обещание за-щищать их от врагов, не собирались его выполнять. К тому же они по-клялись не покидать страну, пока ее не завоюют. А для достижения этой цели они не гнушались ничем: использовали свое преимущество в оружии, ложь и обман, шли на соглашение с предателями.

Война привела к тому, что почти все мужчины острова были убиты, а 80 женщин и детей крещены. Монахи, чтобы как-то оправдать убийство

туземцев, пишут, что господь не велел продавать пленников [13, гл. XXXIV]. И, видимо, чтобы избавиться от непокорных, захватчики предпочитали их убивать.

Когда Бетанкур приехал из Испании, он был восторженно встречен гарнизоном и канарцами-христианами. Правитель острова обратился к Бетанкуру с просьбой о помиловании и обещал принять крещение. Это было в четверг 20 февраля 1404 г. перед великим постом. И он и его дом были крещены в первый день поста; вождь получил имя Луи. Вслед за ним было крещено все население о-ва Лансароте [13, гл. XLV—XLVI].

Таким образом, несмотря на то что завоеватели превосходили жителей острова и вооружением и военным опытом, им понадобились примерно два года, чтобы покорить остров с населением 5 тыс. человек.

Подробности покорения остальных островов монахи нам не сообщают. Они пишут только, что испанцы несколько раз высаживались на островах Иерро, Пальма и Гомера, где уничтожили и захватили в плен большое количество людей.

Часть населения Иерро была уничтожена, часть продана в рабство, и остров был заселен людьми, которых Бетанкур привез из Нормандии в 1404 г. [13, гл. LXXXVI]. Захват жителей этого маленького острова тоже не обошелся без предательства. Монахи сообщают, что Бетанкур послал на Иерро брата вождя, который уговорил последнего поехать к Бетанкуру. Вместе с вождем к Бетанкуру прибыли 12 человек, остальные жители острова были убиты [13, гл. LXXXVI]. Причина такой жестокости заключается в том, что, во-первых, Бетанкур хотел угодить компаньонам, которые считали его слишком либеральным, во-вторых, ему было необходимо обеспечить жилищем привезенных [13, гл. LXXXVI].

Острова Пальма и Гомера Бетанкуром покорены не были: в отчете 1406 г. оба острова упоминаются среди островов, населенных язычниками. Но уже в отчете испанского путешественника Алонсо де Кадамосто от 1455 г. Гомера находится в числе островов, заселенных христианами [26, стр. 76—77]. Таким образом, точная дата завоевания этих двух островов пока не установлена. Известно лишь, что в 1496 г. был завоеван последний остров Канарского архипелага — Тенерифе [17, стр. 88]. Об этом речь пойдет ниже.

Несколько больше, чем об островах Иерро, Гомера и Пальма, хронисты сообщают нам об о-ве Фуэртевентура. Он богат орселью, финиками. Колонизаторы неоднократно высаживались на этом острове, каждый раз встречая ожесточенное сопротивление. Наконец, в октябре 1404 г. канарцы напали на гарнизон незадолго перед этим построенной крепости, уничтожили его, сожгли крепость и церковь, захватили запасы продовольствия, оружие. Хотя в столкновениях туземцы побеждали, часть их все-таки удалось захватить и переправить на Лансароте [13, гл. LXXIII]. Бетанкур прислал на остров большой отряд испанцев. К 1 ноября 1404 г. крепость была восстановлена, а к началу 1405 г. сопротивление жителей Фуэртевентуры сломлено. 18 и 25 января 1405 г. оба вождя — севера и юга острова — были крещены [13, гл. LXXVIII—LXXX].

Самые крупные острова архипелага, Гран-Канария и Тенерифе, Бетанкуром завоеваны не были. Когда, при каких обстоятельствах и кем был завоеван Гран-Канария, мы не знаем. По некоторым данным, это произошло в 1455—1457 гг., но сведения эти неточны и нуждаются в дальнейшем подтверждении [25, стр. X—XI].

Теперь вернемся к дальнейшему рассмотрению хода экспедиции Бетанкура.

Параллельно с исследованием и покорением островов Бетанкур ис-

следовал также побережье Африки от Марокко до широты Канар. «Так как господин Бетанкур очень хотел узнать положение всех соседних земель, островов и материка, он приложил много труда и старания к тому, чтобы как можно обстоятельнее познакомиться с этими местностями» [10, стр. 409—410]. Кастилия, Португалия, Арагон поддерживали завоевателей деньгами и кораблями. Бетанкур пришел к выводу, что Канарские острова являются плацдармом для завоевания Марокко. В начале 1405 г. Бетанкур покинул архипелаг и отправился в Нормандию с целью нанять людей для поселения на островах. Количество привезенных им людей точно не известно, и в литературе нет единого мнения на этот счет [8, стр. 40; 10, стр. 410]. Бонтье и Ле Веррье пишут, что Бетанкур вербовал людей разных профессий, как женатых, так и неженатых [13, гл. LXXXII], и что Бетанкур поселил на о-ве Иерро 120 семейств, а другие остались на Фуэртевентуре [13, гл. LXXXLII].

Поселив нормандцев на островах Иерро и Фуэртевентура, Бетанкур дал каждой семье участок земли. Кроме того, он издал законы, по которым эти семьи в течение девяти лет освобождались от уплаты налогов, и назначил своего племянника Масиота генерал-губернатором покоренных островов. Отдав все распоряжения, Бетанкур еще раз объехал все покоренные острова и, как пишут монахи, «нежно говорил с туземцами» [13, гл. LXXXLIII]. Затем в Рубиконе был устроен большой прощальный пир, на котором присутствовали и люди Бетанкура и туземцы. После этого Бетанкур отправился в Нормандию (1406 г.), чтобы больше никогда не возвращаться на архипелаг¹. По пути он заехал в Рим и был принят папой, который по его просьбе учредил на Канарах епископство, названное Рубиконским по наименованию центра епархии [13, гл. XCI—XCIII]. Первым епископом Канарских островов стал испанец, уроженец Севильи, Альберт де Лас Касас [19, стр. 474].

Так закончилась продолжавшаяся почти четыре года экспедиция нормандского дворянина Жана де Бетанкура, во время которой все острова Канарского архипелага были исследованы и три из них завоеваны. Эта экспедиция положила начало испанским колониальным захватам, которые в конце XV в. продолжил Христофор Колумб.

Теперь несколько слов о завоевании острова Тенерифе, самого крупного из всей Канарской группы. Как уже говорилось выше, Тенерифе не был завоеван Бетанкуром. Монахи называют Тенерифе «островом ада» и говорят, что «он населен суровой расой; они никогда не были покорены и не попадали в рабство» [13, гл. LXVIII].

Из хроник мы узнаем, что остров был завоеван в 1496 г. испанцем Алонсо де Луго. Подробности завоевания даны в хронике Эспиносы, написанной спустя 100 лет после завоевания острова.

После отъезда Бетанкура губернатор Канар много раз пытался завоевать Тенерифе, но «предприятие на Тенерифе было связано с большими трудностями, так как остров был заселен большой и воинственной ветвью гуанчей» [23, стр. 9].

В 1464 г. Санто де Гереро, губернатор островов, с небольшим отрядом высадился на Тенерифе, в районе Санта-Крус. Здесь они построили башню и заключили с туземцами соглашение о мире и дружбе. Спустя некоторое время Гереро издал указ, по которому испанец, совершивший какое-либо злодеяние против туземцев, передавался на суд последних, и наоборот. Был, например, такой случай. По приказу губернатора несколько испанцев, укравших коз у гуанчей, были отданы последним. Но по распоряжению вождя туземцев их отпустили. Когда же какой-то

¹ В 1522 г. он умер в Нормандии, в своем замке Гренвиль.

проступок совершили гуанчи, то по приказу Гереро они были повешены. Такая несправедливость возмутила туземцев. Они напали на укрепление испанцев и убили несколько человек. Остальные во главе с Гереро бежали [17, гл. I]. Несколько раз после этого испанцы пытались высадиться на Тенерифе, но каждый раз встречали решительное сопротивление местных жителей.

«Рыцарем, желающим получить славу завоевателя и власть над страной, был Алонсо де Луго» [17, стр. 87], который прибыл на Канарские острова в 1494 г. Он предпринял несколько попыток захватить Тенерифе, но безуспешно. Только в 1496 г. Алонсо де Луго хитростью и силой удалось наконец захватить остров и создать там испанское поселение.

Теперь, когда выяснен общий ход экспедиции Бетанкура и завоевания о-ва Тенерифе, можно перейти к рассмотрению некоторых отдельных вопросов, касающихся как населения завоеванной страны, так и завоевателей.

Остановимся на вопросе, что представляло собой, по данным хроник, население архипелага к моменту прибытия европейцев.

Всех жителей Канарских островов называли гуанчами. Это не совсем правильно. Слово «гуанч» (вероятно, берберского происхождения) имело значение «уроженец», или «сын». Значит, оно не являлось этнонимом — названием какого-то определенного народа. Первоначально испанцы познакомились с типичными гуанчами на Тенерифе, жители которого называли себя «гуанчтенерф» — «уроженец» или «сын Тенерифе» [17, стр. 4—5].

Исследования ряда ученых привели к выводу о неоднородности коренного населения Канар. Острова были заселены по крайней мере четырьмя различными этническими группами.

К первой группе принадлежат собственно гуанчи. Их антропологический тип оказался очень сходным с кроманьонцами — людьми эпохи позднего палеолита, относящимися к европеоидной расе современного вида человека.

Кроманьонцы Канарских островов были рослыми людьми (свыше 180 см). В легендах и в записях испанских хронистов упоминаются настоящие гиганты ростом более 2 м. У гуанчей этой группы было широкое лицо с треугольным подбородком, с большими глазными орбитами и резко очерченными надбровными дугами. Среди них часто встречались голубоглазые блондины и даже рыжеватые особи. Гуанчи очень красивы и привлекательны. Они любили музыку, песни и танцы. Наиболее красивы были женщины Гран-Канарии. Кроманьонцы-гуанчи составляли основную массу населения островов Тенерифе и Гран-Канария.

Вторая этническая группа, названная семитической, представляла собой смесь различных близких между собой этнических групп. Это менее рослые люди, черноволосые, с длинным овальным лицом, тонким носом. Представители этой группы встречались на островах Гран-Канария, частично на Иерро и реже на Тенерифе.

Третья группа, по-видимому, также является смесью различных этнических групп (в том числе и негроидной). Люди этой группы низкорослые, с коротким и толстым телом; лицо широкое, нос большой и плоский.

Наконец, Гомера был заселен низкорослыми берберами [5, стр. 210—211].

Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах попали на острова эти люди. Немецкий исследователь Гумбольдт, например, считает, что

гуанчи осели на Канарских островах с давних пор [22, стр. 131—132]. Другие ученые полагают, что они могли быть занесены туда еще в III в. до н. э. мощным потоком северян, который докатился до Северной Африки [10, т. III, стр. 165]. Возможно также, что мы имеем дело с потомками готов, вандалов или германских племен, занесенных на Канарские острова только во время переселения народов в начале средневековья [10, т. III, стр. 166].

На Тенерифе существовал ряд передававшихся от отца к сыну легенд о предках гуанчей. В некоторых из них говорится, что гуанчи — потомки римлян, хотя и не упоминается, откуда и каким образом они пришли. Другие легенды говорят, что они — потомки африканских племен, восставших против римлян. В наказание, как гласит легенда, им вырвали языки, чтобы они не могли рассказать о восстании, посадили в лодки без весел и пустили в океан. Штормом лодки прибило к островам. Из легенд мы узнаем, что в древности острова были ближе к Африке [17, стр. 26—28]. Вполне возможно, что острова смыкались с континентом, но в результате ряда геологических катастроф отделились от африканского побережья [9, стр. 193].

Гуанчи, антропологические признаки которых еще и теперь часто обнаруживают у жителей островов, вероятно, когда-то находились «на более высоком уровне культурного развития», чем теперь, «когда их общество в результате длительной изоляции деградировало до убожества диких племен» [10, т. III, стр. 167]. «Гуанчи являлись как бы остатком даровитого племени, обладавшего когда-то высшими бытовыми формами, пока вследствие продолжительного обособления оно не принизилось до скудности дикарей» [8, стр. 39].

Обратимся к нашим источникам. Все хронисты говорят о том, что аборигены не были знакомы даже с самыми примитивными способами мореплавания: у них не было ни лодок, ни плотов. Значит, если мы попробуем ответить на вопрос, как древние кромафоны попали на острова, морской путь надо исключить². Остается предполагать, что Канары имели сухопутную связь с материком.

В 1926 г. советский историк Б. Л. Богаевский выдвинул гипотезу о связи Канарских островов с Африкой. Для доказательства он привлек данные геологии, биологии и других наук. Наука подтверждает его вывод о том, что Сахара стала пустыней сравнительно недавно. Раньше там текли реки, росли леса, было много берберских селений. Затем в результате нескольких геологических изменений эта равнина, расположенная ниже уровня океана, была залита водой. Жизнь продолжалась только на возвышенных местах и на гористом западном берегу Африки, с которым тогда смыкались Канарские острова и о-ва Зеленого Мыса. Свои доводы Богаевский подкреплял и собранными биологами фактами, которые подтверждают относительную «молодость» Канарских островов и прежнюю связь их с Африкой. Катастрофа, в результате которой наступавшая в океан часть Африки оторвалась от материка, произошла, по мнению Богаевского, в раннем неолите [2, стр. 231—232, 239, 247].

Не вызывает почти никаких сомнений тот факт, что гуанчи были потомками африканских племен, так как существует очень много общего между языками и обычаями тех и других.

Хотя от языка аборигенов Канар сохранилось некоторое количество слов, установить его грамматический строй не удалось. По-видимому, первоначальный язык был берберского происхождения, а позже к нему

² Хотя Пешель пишет, что у «туземцев не было ни железа, ни судов. Последние, вероятно, были утрачены ими, т. к. только на кораблях люди могли попасть на острова» [8, стр. 38].

прибавились арабские элементы. Диалекты островов развивались столь обособленно, что жители разных островов не всегда понимали друг друга. На о-ве Гомера и до настоящего времени сохранился язык свиста, который не понимают на других островах [13, гл. LXVII].

Дома гуанчей напоминали жилища обитателей Северной Африки. Ячменное зерно канарцы растирали на ручных мельницах и пекли лепешки, как до сих пор делают туареги.

Как и жители Сахары, островитяне в магических или религиозных целях расписывали свои тела, пользуясь особыми глиняными и каменными печатками — специальными штампами из камня или других материалов для нанесения рисунков при помощи краски на кожу человека [2, стр. 241].

Испанские и португальские хронисты отрицали существование письменности у канарских туземцев. Однако [5, стр. 212] на о-ве Пальма в пещере у одного из вождей было найдено много иероглифических надписей, особенно на одном камне в форме надгробия [5, стр. 212]. На всех островах были обнаружены наскальные надписи [10, т. 3, рис. 9], которые могут быть разделены на три типа. К первому относятся иероглифы, подобные тем, которые находили в Европе, и принадлежащие к древним временам; они являются, видимо, не настоящим письмом, а символическими религиозными или магическими знаками. Второй тип — настоящие иероглифы, которые, как теперь считают, имеют прямую связь с иероглифическим письмом Крита. Такого типа письменность была распространена на западных островах — Пальме и особенно на Иерро. Третий тип — обычное письмо, знаки которого частично палеонумидийского, частично неизвестного происхождения. Кроме того, на восточных островах были распространены надписи полностью палеонумидийского происхождения, вероятно, происшедшие от карфагенского алфавита. До сих пор ни одна из надписей, обнаруженных на Канарских островах, еще не прочитана [5, стр. 212].

К моменту завоевания наиболее «цивилизованным» было население Гран-Канарии. Все жители считали себя «благородными» и поэтому носили бороду и длинные волосы, которые завязывали сзади. Брились они острыми камнями [13, гл. LXIX]. На острове находились 33 местечка и 2 главных «городов», которые составляли два государства; каждое из них управлялось правителем и верховным жрецом. Государства эти постоянно враждовали друг с другом. Власть правителя была ограничена собранием «рыцарей» (190—200 человек), количество которых пополнялось из числа знатнейших [8, стр. 37].

Подобное же положение было и на о-ве Фуэртевентура, во главе которого стояли вечно враждовавшие друг с другом два правителя, а сам остров от одного берега до другого был разделен большой стеной на две части [8, стр. 37].

«Население Тенерифа в течение многих лет подчинялось одному вождю, у которого было восемь сыновей. После его смерти сыновья поделили остров на восемь частей, и каждый назвал себя правителем, но все они подчинялись старшему брату, у которого было 6 тыс. воинов» [17, стр. 36]. Цифра эта, по всей вероятности, сильно преувеличена, так как на Тенерифе в то время жили всего 14—15 тыс. человек. По сведениям Бонтье и Ле Веррье, на всем острове к 1406 г. было 6 тыс. боеспособных мужчин [13, стр. XXXIII]. Вся земля принадлежала вождю, который делил и раздавал ее [117, стр. 34].

Жители острова почитали своего вождя. Когда он переезжал (летом жил в горах, зимой — на берегу моря), перед ним несли копье как символ власти. Если кто-нибудь встречал вождя по дороге, он падал

перед ним ниц, целовал его ноги и вытирал их краем своей одежды. Эспиноса пишет о том, что среди народа Тенерифе были «знатные», «рыцари» и «крестьяне». По-видимому, здесь речь идет о племенных вождях, старейшинах и рядовых общинниках [17, стр. 37].

Во главе жителей островов Пальма и Гомера стояли вожди, которых хронисты тоже называют правителями [13, стр. XXXII—XXXIII].

Таким образом, на каждом крупном острове Канарского архипелага жило по два племени и более, во главе которых стояли вожди. Так как земли и пастбищ не хватало, племена часто воевали друг с другом. Состояние войны провозглашалось дымовыми сигналами и свистом. Туземцы были вооружены дротиками с острыми роговыми наконечниками, копьями из ели, очень острыми и закаленными на огне пиками, которыми они дрались на близком расстоянии, нанося удар так, чтобы острие пика оставалось в ране, и метательными снарядами из закругленных камней, которые запускали с огромной силой. На Гран-Канарии туземцы пользовались также короткими дубинками. Оборонительным оружием были небольшие щиты из драконова дерева. На бой воины выходили голыми, женщины шли сзади и несли пищу. Победители не обижали женщин, детей и престарелых. Они разрешали им забирать убитых и раненых и отпускали домой. На время сбора урожая, после которого обычно устраивался большой праздник, все войны прекращались, а пленных отпускали домой [17, стр. 38—39].

Островитяне занимались земледелием и разведением мелкого скота — коз, овец, свиней.

Жители Гран-Канарии питались мясом, молоком, фруктами. Они сеяли пшеницу, но хлеб не делали [13, стр. XXXI—XXXII]. Рыболовство пользовалось большой популярностью. Рыбу ловили сетями в прибрежных водах [13, стр. XXXII—XXXIII].

Основной пищей гуанчей Тенерифе были овес и бобы. Землю вспахивали орудием, сделанным из дерева и костей животных. Это делали мужчины, они же и сеяли овес. Все остальное, вплоть до уборки урожая, было делом женщин [17, стр. 34—35]. На острове не было пшеницы и никаких овощей, кроме бобов. Из молотого овса, молока и жира гуанчи делали лепешки, которые употребляли вместо хлеба. Кроме того, туземцы ели полужареное мясо овец, коз и свиней, но в небольших количествах. Они также питались медом и фруктами, которых на острове было очень много. На Тенерифе росли ягоды величиной с горох, называемые мокано. До созревания они ярко-зеленые, затем — красные, а когда созреют — черные. Гуанчи собирали мокано совсем зрелыми, раскладывали и в течение трех-четырех дней держали на солнце, затем мяли и варили в воде до состояния сиропа. Эти ягоды использовались как лекарство от болей в спине и боку [17, стр. 32—34].

На островах Пальма, Гомера и Иерро преобладала преимущественно мясная пища (баранина) и молочная. На Гомере ели также травы, корни и крыс [13, стр. XXXII—XXXIII]. Жители Фуэртевентуры в отличие от других островитян совершенно не употребляли соли. Они ели мясо, которое сушили в хижинах, отчего там всегда был неприятный запах. Туземцы Иерро употребляли в пищу много сала и приготавливали из козьего молока вкусные сыры [13, гл. LXX]. Жители Пальмы совершенно не ели рыбу.

Алкогольные напитки до прибытия европейцев не были известны. Островитяне пили только чистую воду и молоко. Огонь добывали трением деревянных палочек.

Тип жилища на разных островах был различен. Так, на Гомере и Тенерифе население обитало в основном в естественных или вырублен-

ных в скалах пещерах, но иногда жители Тенерифе строили себе круглые или овальные дома из грубых камней. Вход был оформлен двумя крупными каменными плитами, на которых как крыша лежала третья плита [2, стр. 241]. Перед жилищем была небольшая ровная площадка, посреди которой лежал камень. Если кто-либо приходил в гости к соседу, то он садился на камень и молча ждал, пока его не заметит хозяин и не пригласит в дом. Около жилища гуанчи держали скот и строго следили за тем, чтобы козы или овцы не зашли на соседний участок [17, стр. 48—49].

На Пальме и Иерро основным типом жилища были хижины, а на Гран-Канарии островитяне строили каменные дома. Эти искусно построенные дома состояли из четырехугольных камней, покрытых большими деревянными досками. Двери домов закрывались [26, стр. 11]. Гран-Канария — единственный остров, где существовали небольшие города; наиболее крупным из них был Аргинегин (400 домов) [12].

Каменные жилища строили также на ФуэртеVENTуре и Лансароте. В основном все жители островов ходили обнаженными. Только некоторые (очевидно, вожди и их родственники) носили искусно сшитые платья из желтых и красных шкур коз или овец и передники из пальмовых листьев [13, гл. LXXIX, стр. XXXII—XXXIII]. Известно, что женщины Тенерифе под платьем носили рубашку из кожи, которая доходила до пят [17, стр. 32].

Для понимания степени социального развития аборигенов островов значительный интерес представляют формы брака и система наследования.

Вообще господствовала моногамия, но на Иерро существовала полигамия. Женщины были общественной собственностью, и считалось негостеприимным не предложить гостю свою жену [8, стр. 37]. На островах ФуэртеVENTура, Лансароте и Гомера сохранились элементы матриархата, в том числе и полиандрия. Женщина могла иметь до трех мужей [13, стр. XXXIX—XL]. На Тенерифе мы сталкиваемся с пережитками группового брака, сохранившимися у гуанчей довольно долго.

В хронике Эспиносы мы находим довольно подробное описание обряда бракосочетания гуанчей Тенерифе. Если мужчина выражал желание жениться, он спрашивал согласия родителей понравившейся ему женщины. Если родители не возражали, то молодые без всяких церемоний женились. Брак легко было расторгнуть. Если мужу надоедала жена, он отсылал ее домой, где она снова могла выйти замуж. С подобным же обрядом бракосочетания и развода мы встречаемся у ирокезов Северной Америки [6, стр. 33—34]. Дети после расторгнутых браков считались у гуанчей незаконными [17, стр. 35.] Из половых отношений на Тенерифе исключали только мать и сестру. Хотя если не находилось той, на которой вождь мог бы жениться, не запятнав свой род, допускался брак между братом и сестрой [17, стр. 37].

На Тенерифе с большим уважением относились к женщинам. Если мужчина встречал женщину в уединенном месте, он под страхом смерти не смел приблизиться к ней или первым заговорить [17, стр. 48].

Право наследования на разных островах было различным. Там, где сохранились элементы матриархата (Гран-Канария, Пальма и Гомера), это право было за племянниками (сыновьями сестер) [8, стр. 37]. На Тенерифе оно закреплялось за братьями. Если старший умирал, ему наследовал его брат, когда же умирал последний брат, наследником становился старший сын первого брата и т. д. [17, стр. 36]. На восточных островах (ФуэртеVENTура и Лансароте) право наследования было иным [13, стр. XXXVI, гл. LXX].

Теперь несколько слов о религии и обычаях гуанчей. Почти все хронисты пишут о том, что туземцы верили в бога. «Все население острова (Фуэртевентура. — *И. Р.*) религиозно; у них есть храмы, в которых приносятся жертвы» [13, гл. LXX].

На о-ве Гран-Канария имелась хорошо организованная каста жрецов; во главе ее стояли два верховных жреца. Был там также институт дев-монахинь, подобный институту в Вавилоне. Хотя туземцы Гран-Канарии верили в бога, который награждает и наказывает, в храмах, где служили жрицы, почитали женское божество и поклонялись деревянному образу богини, признавая ее созидующую силу. На острове были обнаружены каменные и деревянные статуэтки людей и животных, очень сходные с обнаруженными на территории Европы. Имеется указание Боккаччо, что в 1341 г. при посещении Гран-Канарии португальцами было обнаружено здание, в котором находилась каменная статуя обнаженного человека, прикрытого передником из пальмовых листьев и держащего в руке каменный шар. Никаких рисунков, изображений, орнаментов или надписей в этом здании не было. Статуя якобы была увезена в Лиссабон; дальнейшая судьба ее неизвестна [26, стр. 11—12].

Больше всего сведений у нас имеется о религии и обычаях гуанчей Тенерифе. Жители этого острова поклонялись духу неба и земли, называя его различными именами, но никаких обрядов и церемоний у них не было. Правда, когда долго не было дождей и не хватало корма для скота, они в определенном месте вбивали в землю шест и сгоняли туда овец. Гуанчи считали, что богу нравится эта церемония и он пошлет им дождь [17, стр. 31].

Эспиноса пишет, что хотя туземцы имели представление о духе, который создал и охраняет мир, но ничего не знали о бессмертии души и загробном мире. Они думали, что есть ад, и «помещали» его на вершине горы Тейде [17, стр. 29—30]. Однако у гуанчей был довольно странный обычай, о котором упоминали еще монахи Бетанкура и который наводит на мысль, что представление о загробном мире все же у них существовало. «Каждое племя имело двух вождей: одного живого и одного мертвого. Когда вождь умирал, его труп обмывали и ставили в пещеру. В руки ему давали посох, а рядом с ним ставили ведро молока и ведро вина, чтобы у него было все необходимое в его путешествии» [11, стр. 5].

«Хотя у гуанчей не было законов, они жили не в беззаконии. Они заключали супружеские контракты, различали законных и незаконных детей. Когда рождался ребенок, родители призывали женщину, обязанностью которой было выливать воду на голову новорожденного. Эта женщина как бы становилась родственницей родителей ребенка, и ее очень уважали в этом доме» [17, стр. 30—31]. Откуда пришел этот обычай, никто не знал, но он существовал у них давно. Вполне вероятно, что этот своеобразный обряд крещения появился в XIV в., когда на островах поповедали 13 монахов [13, гл. XL].

У туземцев Тенерифе было даже свое объяснение того, как на острове возникло социальное неравенство. Они считали, что «господь создал из земли человека, а из воды скот, чтобы кормить человека. Позже он создал еще людей, но не дал стада. Когда они попросили еще стада, господь им сказал: служите тем, другим, и они вас накормят. Поэтому и получились вожди, воины и крестьяне» [17, стр. 38].

Нет на земле народа, который бы не уважал умерших и не отдавал бы им последние почести погребения. Как у египтян и у перуанцев, у гуанчей был религиозный обычай бальзамировать трупы и сохранять мумии знатных людей и вождей. На островах существовала своего рода

каста бальзамировщиков. Члены ее жили совершенно обособленно и женились только на своих сородичах. Когда пришли испанцы и началось истребление местного населения, искусство бальзамирования постепенно было забыто. Исключительно благодаря устным преданиям сохранились кое-какие сведения о способе бальзамирования. Гуанчи брали козье масло, смешивали его с салом и варили все это с разными сортами трав, которые росли на склонах гор. Сюда же добавляли шалфей и земляные яблоки. Затем они вынимали из тела внутренности и мыли его со щелоком, который добывали из золы сосны. Летом труп сушили на солнце, а зимой (в течение 15 дней) в печи.

На всех островах существовал такой обычай: в день провозглашения нового правителя устраивался пир для народа. На пиру молодежь состязалась в беге, прыжках, танцах. Все хронисты отмечали, что канарцы — проворные бегуны и прыгуны, самые ловкие и подвижные люди в мире, а камни бросают с большой силой, меткостью и проворством. В день, когда новый вождь вступал в сан, одному из соплеменников предлагалось умереть в его честь. Все шли в долину, а тот, кто изъявлял желание пожертвовать своей жизнью за вождя, бросался вниз со скалы, произнося священные клятвы. В течение всего времени правления вождь должен был оказывать великие почести и благодеяния родичам умершего [8, стр. 38; 16, стр. 156—157]. Этот обычай, в котором мы несомненно сталкиваемся со следами человеческих жертвоприношений, сохранялся у гуанчей довольно долго и всегда вызывал удивление христиан.

Интересен и тот факт, что гуанчи никогда не убивали пленных. На островах имелась так называемая «презренная каста», состоявшая главным образом из пленных, которые должны были резать и потрошить коз и овец. Сами жители питали отвращение к убийству животных (хотя мясом их питались охотно), и это занятие считалось у гуанчей самым позорным [13, стр. XXXIV].

Сделать из приведенных данных вывод о том, какая культура и какой строй были у гуанчей Канарского архипелага к моменту прихода завоевателей (к началу XV в.), нелегко, так как ни в хронике Бонтье и Ле Веррье, ни в хронике Эспиносы, ни в других известных нам хрониках того времени нет достаточных для этого сведений. Ведь монахов Бетанкура в первую очередь интересовали сами острова, их богатства и то, «какую выгоду из них можно извлечь» [13, гл. XLIV], а Эспиносу, как известно, привело на острова известие об образе мадонны, и он занимался изучением этого образа. И все другие хронисты XV—XVI вв. описывают большей частью те обычаи гуанчей, которые вызывали у них удивление и недоумение.

По немногим отрывочным данным этих источников можно сделать предварительный вывод, что культура канарцев неолитическая. К моменту прибытия европейцев островитяне жили в условиях, близких к каменному веку. Они пользовались каменными пилами и топорами, землю обрабатывали с помощью мотыг, сделанных из камня или костей животных. В обиходе пользовались глиняными, деревянными и плегеными сосудами простой формы. Большое распространение на островах получила керамика. Во многом она напоминает древние стадии керамики Крита. Гуанчи умели дубить кожу и изготавливали горшки без гончарного круга (сейчас так же делают на Гран-Канарии) [5, стр. 211]. Как уже говорилось выше, на Гран-Канарии были обнаружены статуэтки людей и животных, похожие на верхнепалеолитические и неолитические статуэтки древней Европы.

Что касается общественного строя гуанчей к моменту завоевания, то на этот вопрос ответить будет еще труднее.

Существование пережитков группового брака, гуманное обращение с пленными, которых не убивали, а использовали как рабов, следы человеческих жертвоприношений — все это дает основание предполагать, что у гуанчей был первобытнообщинный строй. Тот факт, что во главе племени стояли вождь и совет старейшин и вся земля принадлежала вождю, который распределял ее между общинниками, наводит на мысль, что первобытнообщинный строй к этому времени уже вступил в стадию разложения.

Такой вывод можно сделать для островов Гран-Канария и Тенерифе, которые находились на самой высокой ступени развития. Сведения об остальных островах настолько отрывочны и незначительны, что не могут ни подтвердить, ни опровергнуть сделанный нами вывод.

Дальнейшее изучение истории гуанчей несомненно даст ряд новых сведений об этом интересном народе и позволит сделать более четкие и определенные выводы как об этногенезе населения Канарских островов, так и об общественном строе и культуре гуанчей к началу XV в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтамира-и-Кревеар, История Испании, М., 1958.
2. Богаевский Б. Л., Атлантида и атлантическая культура, — «Новый Восток», 1926, № 15.
3. Зайдлер Л., Атлантида, М., 1966.
4. Жиров Н. Ф., Атлантида. Основные проблемы атлантологии, М., 1964.
5. Жиров Н. Ф., Атлантида, М., 1957.
6. Косвен М. О., Матриархат, М.—Л., 1948.
7. Магидович И. П., Очерки по истории географических открытий, М., 1957.
8. Пешель О., История эпохи открытий, М., 1884.
9. Риттер К., История землеведения и открытий по этому предмету, СПб., 1864.
10. Хенниг Р., Неведомые земли, т. I—IV, М., 1961—1963.
11. «Allgemeine Historie der Reisen zur Wasser und Lande», Bd 2, Leipzig, 1748.
12. Berthlot S., Antiquities canariennes, Paris, 1879.
13. Bontier P., Verrier Y. Le, The Canarian, or Book of the Conquest and Convesion of the Canarians in the Year 1402, by Messire Yean de Bethencourt, London, 1872.
14. Bontier P., Verrier Y. Le, Histoire de la premiere decouverte an conques des Canaries, Paris, 1630.
15. Bory de St-Vincent J. B. G. M., Essais sur les îles Fortunées, Paris, 1803.
16. Ehrman F., Geschichte der Reisen, Bd II, Frankfurt, 1791.
17. Espinosa A. de, The Guanches of Tenerife, the Holy Image of Our Ledy of Candelaria and the Spanish Conquest and Settlement, London, 1907.
18. Espinosa A. de, Del Origen y Milagros de la Santa Imagen de ruesa senora de Candelaria, que Apexecio en la Isla de Tenerife, con la description de esta Isla, Sevilla, 1594.
19. Gams P. B., Series episcoporum, Ratisbonae, 1873.
20. Glas G., The History of the Discovery and Conquest of the Canary Islands, London, 1764.
21. «Hakluyt's Collection of the Early Voyages Travels, and Discoveries, of the English Nation», vol. 5, London, 1812.
22. Humboldt A., Kritische Untersuchungen, Bd I, Berlin, 1852.
23. Kampf W., Die Eswerksquellen auf Kanarischen Inseln und ihre Wandlungen, Boon, 1894.
24. Kassok M., Markow W., Konspekt über das spanische Kolonialsystem, — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl — Marx — Universität Leipzig, Ges- und Sprachwissenschaft Reihe», Jahrg. 5 (1955—1956), H. 2.
25. Mac-Gregor A., Die Canarischen Inseln nach ihrem gegenwärtigen Zustande und mit besonderer Beziehung auf Topographie und Statistik, Gewerbfließ, Handel und Sitten, Hannover, 1831.
26. Prestage E., Die portugiesischen Entdecker, Leipzig, 1936.
27. Schröter K., Eine Exkursion nach den canarischen Inseln, Zürich, 1909.
28. Schütz J. F., Bausteine zu einer Bibliographie der Kanarischen, Madeirischen und kapverdischen Inseln und die Azoren, Graz, 1929.
29. Verlinden Ch., Lésclavage dans l'Europe médiévale, t. I, Brugge, 1955.